

МАРК ЛЕВИ

Следующий раз

Марк Леви

Следующий раз

«Азбука-Аттикус»

2004

УДК 821.133.1-3Леви
ББК 84(4Фра)-44

Леви М.

Следующий раз / М. Леви — «Азбука-Аттикус», 2004

ISBN 978-5-389-03823-3

Джонатан, эксперт по живописи из Бостона, незадолго до свадьбы с художницей Анной вылетает в Лондон, чтобы увидеть загадочную картину русского художника девятнадцатого века Владимира Рацкина. Познакомившись с галеристкой Кларой, он осознает, что они уже встречались, она испытывает то же чувство. Они не могут жить друг без друга, но невеста Джонатана готова на все, чтобы его вернуть. Влюбленным предстоит узнать невероятную истину: они любили друг друга в прошлой жизни и их судьбы навеки связала таинственная картина...

УДК 821.133.1-3Леви
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-03823-3

© Леви М., 2004
© Азбука-Аттикус, 2004

Содержание

1	8
2	19
3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Марк Леви

Следующий раз

Marc Levy

LA PROCHAINE FOIS

Издательство благодарит Анастасию Лестер за содействие в приобретении прав на данное издание

Иллюстрация на обложку:

Pixland/Think Stock/Getty Images

www.marcl Levy.info

© Éditions Robert Laffont / Susanna Lea Associates, 2004

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2005

© Издание на русском языке.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016

Издательство Иностранка®

Книги одного из самых популярных французских писателей Марка Леви переведены на сорок пять языков и расходятся многомиллионными тиражами.

*Посвящается Луи
и моей сестре Лорен*

Джонатан!

Тебя по-прежнему зовут Джонатан? Сегодня я понимаю, что очень многого не знал, и теперь барахтаюсь в пустоте, окружившей меня после твоего ухода. Когда одиночество вгоняло меня в черную меланхолию, я смотрел на небо и землю, кожей ощущая твое присутствие. Так было все эти годы, только мы не могли видеть и слышать друг друга.

Кажется, мы могли бы столкнуться на улице и не узнать друг друга.

Со дня твоего ухода я не перестану читать, повсюду ищу тебя, ищу способ хоть что-то понять и узнать. Время перелистывало страницы моей жизни, и я все яснее понимал, что прозрение лишь отдалается, как в кошмарах, когда каждый шаг вперед оборачивается отступлением.

Я бродил по библиотекам и улицам нашего с тобой родного города, хранящего так много общих воспоминаний. Вчера я гулял по набережным и рядам рынка под открытым небом, который ты так любил. Останавливался то тут, то там, и мне казалось, что ты идешь рядом. Потом, как мы всегда делали по пятницам, завернул в маленький бар в гавани. Вспомнишь ли ты его? Мы часто встречались там с наступлением темноты. Мы обожали словесные игры, у нас были общие страсти. Мы часами говорили о картинах, даривших нам вдохновение, переносивших нас в иные времена.

Боже, до чего же мы с тобой любили живопись! Я часто перечитываю написанные тобой книги, наслаждаясь твоим стилем и пристрастиями.

Я не знаю, где ты, Джонатан. Не знаю, был ли смысл во всем том, что мы пережили; мне неизвестно, существует ли истина, но если ты когда-нибудь прочтешь эту записку, то узнаешь, что я сдержал данное тебе слово.

Знаю, стоя перед картиной, ты заложишь руки за спину и прищуршься, как делал всякий раз, когда что-то тебя удивляло, а потом улыбнешься. Если она будет рядом – а мне этого очень хотелось бы, – ты обнимешь ее за плечи, и вы будете вместе созерцать чудо, как делали когда-то мы с тобой, и тогда ты, возможно, вспомнишь... Если все так и случится, ты исполнишь мою просьбу, как я исполнил твою. Впрочем, забудь, дружбой движут не обязательства. Но я все-таки попрошу.

Скажи ей, скажи, что где-то на этой земле, далеко от вас и вашего времени, я бродил по тем же улицам, мы смеялись, сидя за теми же столиками, а поскольку камни вечны, каждый камень, которого касались наши руки и взгляды, запечатлел частицу нашей истории. Скажи ей, Джонатан, что я был тебе другом, ты мне – братом, а может, больше, чем братом, ведь мы нашли, выбрали друг друга, скажи, что ничто не смогло нас различить, даже ваше внезапное исчезновение.

Я думаю о вас каждый день и надеюсь, что вы счастливы.

Я состарился, Джонатан, и скоро уйду, но благодаря вам в сердце старика живет дарующая блаженную легкость искра света. Я любил! Многим ли дано уйти, унося с собой столь бесценное сокровище?

Сейчас ты прочтешь последние строки, ты сложишь листок, молча уберешь его в карман пиджака, заложишь руки за спину и улыбнешься – как я, когда писал эти слова. Я тоже улыбаюсь, Джонатан, я не переставал улыбаться.

Будьте счастливы, мои дорогие.

Твой друг Питер

1

– Это я, я выезжаю из «Степлдона», буду через полчаса. Надеюсь, ты дома? Проклятый автоответчик! Еду.

Питер раздраженно дал отбой, поискал в карманах ключи и вспомнил, что накануне отдал их служащему гаража. Он взглянул на часы: рейс на Майами вылетал из аэропорта Логан только под вечер, но времена наступили смутные, и по новым правилам безопасности следовало приезжать в аэропорт за два часа до вылета. Он закрыл дверь элегантной квартирки, которую арендовал на год в жилом комплексе в деловом районе, прошел по застеленному толстым ковром коридору к лифтам и трижды нажал на кнопку вызова, хотя нетерпение, как известно, еще ни разу не ускорило прибытие кабины. Спустившись с восемнадцатого этажа на первый, он торопливым шагом прошел мимо консьержа Дженкинса, бросив на ходу, что вернется через день. У двери квартиры он оставил мешок с грязным бельем. Дженкинс убрал в ящик стола тетрадку «Искусство и культура» из газеты «Бостон глоб», зарегистрировал просьбу Питера и успел распахнуть перед ним дверь.

На крыльце он раскрыл широкий зонт с эмблемой, защитив Питера от падавшего на город моросящего дождика.

– Я позволил себе распорядиться, чтобы подогнали ваш автомобиль, – сообщил Дженкинс, глядя на затянутый тучами горизонт.

– Очень любезно с вашей стороны, – сухо ответил Питер.

– Миссис Бет, ваша соседка по лестничной клетке, сейчас в отъезде, так что, увидев, что лифт вызвали на вашем этаже, я заключил...

– Я знаю, кто такая миссис Бет, Дженкинс!

Привратник неодобрительно взглянул на серо-белую пелену облаков у них над головами:

– Отвратительная погода, вы не находите?

Питер не ответил. Он терпеть не мог некоторые преимущества проживания в шикарном доме. Всякий раз, проходя мимо конторки Дженкинса, он переживал эффект незаконного вторжения. Человек с регистрационным журналом восседал за конторкой лицом к огромной вращающейся двери и контролировал приходы и уходы всех жильцов. Питер не сомневался, что рано или поздно привратник узнает его привычки лучше большинства друзей. Однажды, пребывая в дурном настроении, он спустился по служебной лестнице до подземной стоянки и вышел из дома через ворота гаража. Возвращаясь, он прошел мимо Дженкинса с гордо задраным носом, а тот учтивым жестом протянул ему ключ с круглой головкой. В ответ на недоуменный взгляд жильца портье невозмутимо пояснил:

– Он вам понадобится, если пожелаете снова воспользоваться этим путем. Двери на лестничные площадки запираются изнутри. Это универсальный ключ.

В лифте Питер старался сохранять полную невозмутимость, поскольку Дженкинс наблюдал за пассажирами благодаря установленной в кабине камере. Полгода спустя, заведя интрижку с модной молодой актрисой по имени Тали, он решил провести с ней ночь в отеле, лишь бы не видеть лучезарное выражение лица консьержа, чье неизменно благостное настроение по утрам раздражало его сверх всякой меры.

– Кажется, я слышу звук двигателя вашего авто. Осталось подождать совсем недолго, сэр.

– Вы узнаете машины по голосу их моторов, Дженкинс? – с неприкрытой язвительностью спросил Питер.

– Далеко не все, сэр. Но у вашей немолодой «англичанки» слегка постукивают тяги. Этот их «тук-тук-тук» напоминает изысканный выговор наших заокеанских кузенов.

Питер вздернул брови, но сдержался, хотя был взбешен. Дженкинс всю жизнь жалел, что не родился подданным Ее Величества: Бостон чтит англосаксонские традиции. На выезде

из темной пасти подземной стоянки загорелись круглые фары «Ягуара ХКя-140». Служащий аккуратно затормозил на белой линии.

– Неужели, Дженкинс? – С этими словами Питер шагнул к открытой вышколенным служащим гаража дверце.

Сев с оскорбленным видом за руль, Питер заставил «пожилую англичанку» натужно взречь и сорвался с места, небрежно махнув Дженкинсу, который дождался, когда автомобиль свернет за угол, и только после этого вернулся на свой пост.

– Старый олух! Сам родился в Чикаго, и семья твоя из Чикаго, а туда же! – буркнул Питер.

Он вставил мобильный телефон в держатель, нажал кнопку памяти с домашним номером Джонатана и рывкнул в микрофон, укрепленный на противосолнечном щитке:

– Я знаю, ты дома! Не представляешь, как меня бесит твоя игра в прятки. Чем бы ты там ни занимался, в твоём распоряжении осталось девять минут. Услышать меня – в твоих интересах.

Он потянулся к бардачку, чтобы переключить приемник на другую волну, а выпрямившись, заметил идущую через улицу женщину весьма преклонного возраста. Он резко затормозил, оставив на асфальте черные следы, и боязливо открыл глаза. Женщина спокойно ковыляла дальше. Питер не без труда оторвал пальцы от руля, выдохнул, отстегнул ремень безопасности, выскочил из машины, рассыпался в извинениях, взял ее под руку и помог преодолеть отделявшее ее от тротуара расстояние.

Напоследок он вручил ей свою визитную карточку, еще раз извинился и, пустив в ход все свое обаяние, поклялся, что будет всю неделю корить себя за то, что так ее напугал. Вид у пожилой дамы был крайне удивленный, она успокаивала Питера, отмахиваясь от него белой тростью. Она вздрогнула, когда он учтиво взял ее под локоток, только потому, что туговата на ухо. На прощание Питер снял волосок с плаща старушки и вернулся в машину. Привычный аромат старой кожи в кабине «ягуара» помог ему прийти в себя. Остаток дороги до дома Джонатана он проделал не торопясь, а на третьем по счету светофоре уже беззаботно насвистывал.

Джонатан поднимался по лестнице своего прелестного дома в районе старого порта. На последнем этаже находилась мастерская со стеклянным потолком, где работала его подруга Анна Уолтон. Они познакомились на вернисаже. Фонд, основанный местной богачкой, коллекционирующей живопись, устроил выставку картин Анны. Рассматривая развешанные в галерее полотна, Джонатан подумал, что все они напитаны природным изяществом автора. Стиль, в котором работала Анна, напоминал стиль столетия, который Джонатан изучал как эксперт-профессионал. Джонатан нашел пейзажи Анны весьма проникновенными и не преминул сообщить ей об этом в самых изысканных выражениях. Молодая дебютантка была потрясена оценкой столь уважаемого профессионала, и они стали неразлучны, а весной поселились в выбранном Анной доме. Большую часть времени она проводила в мастерской под стеклянным фонарем. На рассвете солнце заливало комнату, создавая волшебную атмосферу. Пол, от белой кирпичной стены до высоких окон, был застелен светлой широкой паркетной доской. Отрываясь ненадолго от мольберта, Анна курила, присев на деревянный подоконник, и любовалась заливом. В любую погоду она поднимала раму и наслаждалась сладким дымом и соленым ароматом водяных брызг.

«Ягуар» Питера остановился у подъезда.

– Кажется, приехал твой друг, – сказала Анна, услышав за спиной шаги Джонатана.

Он подошел, обнял ее, потерся щекой о шею и поцеловал. Она вздрогнула.

– Не заставляй Питера ждать!

Джонатан не отреагировал. Его рука, скользнув под воротник легкого платья, коснулась груди Анны. С улицы донеслись нетерпеливые гудки, и она с веселым смехом оттолкнула его.

– Твой шафер – надоеда. Отправляйся на свою конференцию – чем скорей уедешь, тем скорей вернешься.

Джонатан еще раз поцеловал ее и начал пятиться к двери. Анна снова закурила. Питер махнул ей рукой, и машина рванула с места. Анна со вздохом перевела взгляд на старую гавань, куда когда-то причаливали корабли с переселенцами.

– Почему ты никуда не можешь прийти в назначенное время? – спросил Питер.

– Кем назначенное? Тобой?

– Да не мной, а, к примеру, авиакомпанией. Люди встречаются за обедом или за ужином – и не опаздывают, потому что смотрят на часы. Ах да, забыл, ты не носишь часов.

– Ты – невольник времени, а я боец сопротивления.

– А известно ли тебе, что даже твой мозгоправ на сеансах пропускает мимо ушей подобную чушь? Пока ты изливаешь душу, он прикидывает, сможет или нет купить на деньги от сеансов машину своей мечты, и какую – в версии «купе» или «кабриолет».

– Я не хожу на сеансы!

– Может, стоит попробовать? Как ты, кстати, себя чувствуешь?

– Отстань... Лучше объясни, с чего ты так развеселился?

– Читал раздел «Искусство и культура» в «Бостон глоб»?

– Нет, – ответил Джонатан, глядя в окно.

– А вот Дженкинс читает! Журналисты решили меня прикончить!

– Да что ты говоришь?

– Значит, ты все-таки прочел!

– Так, между делом, – буркнул Джонатан.

– Помнится, в университете я спросил, спал ты с Кэтти Миллер, по которой я сох, или нет, и ты ответил: «Между делом». Может, объяснишь наконец, что означает это пресловутое «между делом»? Я двадцать лет ломаю над этим голову... – Питер стукнул кулаком по рулю. – Как тебе нравится этот хамский заголовок: «Последние сделки аукциониста Питера Гвела стали полным разочарованием»? А кто побил державшийся десять лет ценовой рекорд картин Сера? Кто заключил самую дорогую за десять лет сделку по продаже Ренуара? А лекция Боуэна с Джонкингом, Моне, Мэри Кассат и иже с ними? Кто был первым защитником Вьюара? Сам знаешь, сколько он теперь стоит!

– Зря тратишь нервы, Питер. Критик на то и критик, чтобы критиковать, только и всего.

– Ничего не зря, у меня на автоответчике четырнадцать сообщений от компаньонов по «Кристи», они очень обеспокоены, вот что плохо!

Он затормозил на красный, не переставая бурчать. Джонатан выждал несколько минут, включил радио, и голос Луи Армстронга заполнил кабину.

– Что это? – спросил Джонатан, заметивший стоявшую на заднем сиденье коробку.

– Ничего! – отрезал Питер.

Джонатан обернулся и начал перечислять с насмешкой в голосе:

– Электробритва, три драные рубахи, две пижамные штанины, ботинки без шнурков, четыре разорванных в мелкие клочья письма, и все обильно сдобрено кетчупом... Вы разбежались?

Питер изогнулся и сбросил картонку на пол.

– У тебя что, никогда не было плохой недели? – поинтересовался он, прибавляя звук.

Джонатан нервничал все сильнее и решил поделиться опасениями с Питером.

– Успокойся, всезнайка! – отмахнулся тот.

– Именно такие идиотские реплики нас и добивают.

– Я ужасно перетрухнул за рулем, – вдруг признался Питер.

– Когда?

– Да только что, когда выезжал к тебе.

«Ягуар» тронулся с места. Джонатан провожал взглядом старые здания в гавани. Они выехали на скоростное шоссе, ведущее в международный аэропорт Логан.

– Как поживает старина Дженкинс? – поинтересовался Джонатан.

Питер припарковался напротив будки охранника и незаметно сунул ему в ладонь купюру, пока Джонатан доставал из багажника старую дорожную сумку. Они поднимались по пандусу стоянки, вслушиваясь в гулкое эхо собственных шагов. Питер, как это всегда бывало в аэропорту, вышел из себя, когда на посадке его заставили снять ремень и ботинки: рамка безопасности трижды отчаянно звенела, когда он пытался пройти. В отместку за грубость пограничник перетряхнул все его шмотки. Джонатан махнул рукой в сторону газетного киоска, где Питер и нашел его за чтением джазовой антологии Милтона Меzza Меzроу. Джонатан купил книгу. Посадка прошла без осложнений, и самолет взлетел без задержки. Джонатан не стал обедать, опустил шторку на иллюминаторе, зажег лампочку и погрузился в записи выступления на конференции, до которой оставалось несколько часов. Питер полистал журнал, прочел инструкцию по безопасности и даже каталог беспощинной торговли на борту, хотя знал его наизусть, после чего откинул спинку кресла.

– Скучаешь? – спросил Джонатан, не отрываясь от бумаг.

– Думаю!

– Ну я и говорю – скучаешь.

– А ты нет?

– Я готовлюсь к лекции.

– Ты одержим этим человеком, – поддел друга Питер, возвращаясь к правилам безопасности на борту «Боинга-737».

– Увлечен!

– Учитывая тяжесть навязчивого состояния, старик, я ставлю диагноз «одержимость» твоим отношениям с этим русским художником.

– Владимир Рацкин умер в конце девятнадцатого века, и у меня «отношения» не с ним, а с его творчеством.

Джонатан вернулся к чтению, но молчание длилось недолго.

– У меня острое ощущение дежавю, – насмешливо проговорил Питер. – Что неудивительно: мы уже раз сто вели подобный разговор!

– Ты сам-то здоров или подхватил тот же вирус, раз летишь со мной?

– Во-первых, я тебя сопровождаю. Во-вторых, бегу от звонков коллег, уязвленных идиотской статьей кретина из «Санди таймс». И в-третьих, и главных, мне скучно.

Питер достал из кармана пиджака фломастер и нарисовал крестик на листке в клеточку, где Джонатан делал последние пометки к докладу. Не отрываясь от картинок, Джонатан нарисовал рядом нолик. Питер поставил другой крестик, Джонатан пририсовал по диагонали следующий нолик...

Самолет приземлился на десять минут раньше. В багаж они ничего не сдавали, прошли на стоянку такси и поехали в гостиницу. Питер посмотрел на часы: у них был целый час до начала мероприятия. Они зарегистрировались, и Джонатан поднялся в номер переодеться. Дверь за ним бесшумно закрылась. Он бросил сумку на маленькое бюро красного дерева и набрал номер. Когда Анна ответила, он закрыл глаза и отдался во власть ее голоса, словно был рядом с ней в мастерской. Весь свет потушен. Анна сидит на подоконнике. Сквозь стеклянную крышу мерцали редкие, выигравшие бой у городской иллюминации звезды, подобные тонкой вышивке по бледному полотну. На старинных, скрепленных свинцовыми полосками стеклах оседали соленые морские брызги. В последнее время Анна отдалилась от Джонатана, казалось,

колесики хрупкого механизма начали застревать, как только они решили пожениться. В первые недели Джонатан объяснял эту отчужденность страхом перед ответственным, на всю жизнь, решением, хотя именно она жаждала торжественной церемонии. Их город был так же консервативен, как и мир искусства, в котором они вращались. Было очень бонтонно объявить о свадьбе после двух лет сожительства. На каждом коктейле, вернисаже, крупном аукционе бостонский высший свет ясно давал это понять.

Джонатан и Анна уступили. Внешние приличия были залогом профессионального успеха Джонатана. Анна молчала на другом конце провода, он слушал ее дыхание, пытаясь угадать жесты. Длинные пальцы тонут в густых волосах. Закрыв глаза, он мог почувствовать запах ее кожи. К концу дня аромат духов смешивался с пропитавшим все уголки мастерской запахом дерева. Их разговор закончился в точке молчания, Джонатан положил трубку и открыл глаза. Под окнами длинной красной лентой тянулся непрерывный поток машин. Его охватило чувство одиночества: так бывало всякий раз, когда он оказывался далеко от дома. Он вздохнул, спрашивая себя, зачем согласился выступить с докладом. Времени оставалось в обрез, он достал из сумки белую рубашку и начал одеваться.

Джонатан сделал глубокий вдох перед выходом на сцену. Ему поаплодировали, и свет пригасили. Он встал за пюпитр с маленькой, как ночник, медной лампочкой. Джонатан знал свой текст наизусть. На огромном экране у него за спиной появился слайд первой картины Владимира Рацкина из числа тех, что он собирался показывать этим вечером. Он решил представлять полотна в обратном хронологическом порядке. Первая серия – виды английской деревни – относилась к последнему периоду укороченной болезнью жизни мастера.

Рацкин писал эти картины в своей комнате, которую не покидал из-за запрета врачей. Там он и умер в возрасте шестидесяти двух лет. На двух больших портретах был изображен сэр Эдвард Ленгтон. На первом Рацкин запечатлел его в полный рост, на втором знаменитый коллекционер и торговец живописью, покровитель художника сидел за письменным столом красного дерева. Десять полотен необычайно проникновенно передавали жизнь бедняцких пригородов Лондона конца XIX века. Довершали презентацию еще шестнадцать картин. Они не были датированы, но их темы отсылали к молодости художника в России. Шесть первых – портреты придворных сановников – были выполнены по заказу царя, десять других молодой художник создал, потрясенный нищетой простого люда. Из-за этих уличных сценок Рацкин вынужден был навсегда покинуть родину. На устроенной в Эрмитаже персональной выставке он самовольно развесил вызвавшие громкий скандал картины. Император пришел в бешенство: народные страдания были переданы мощнее и ярче блеска его правления. Рассказывают, что, когда министр культуры поинтересовался у Владимира причинами такого поступка, он ответил: путь власти проложен через ложь, живопись же питается правдой.

Искусство в моменты слабости способно разве что приукрашивать действительность. Разве несчастья русского народа заслуживают меньшего внимания творца, чем царь? Ценивший Рацкина сановник только рукой махнул в ответ на эти горькие слова. Они беседовали в библиотеке, полной бесценных манускриптов, он посоветовал молодому художнику бежать, пока за ним не явилась тайная полиция, и выпустил Владимира через потайную дверь. Больше он ничем помочь не мог. Спустившись по витой лестнице, Рацкин побежал по длинному темному коридору, подобному ведущей в ад тропинке. Он двигался на ощупь, обдирая ладони о шершавые стены, добрался до западного крыла дворца, перейдя из низкого подземелья в сырые каменные подвалы. Седые крысы семенили ему навстречу, касаясь лица, и вдруг поворачивали следом за непрошеным гостем и кусали его за лодыжки.

Когда стемнело, Владимир выбрался на поверхность и спрятался в подгнившей соломе на телеге во дворе дворца. Там он дождался рассвета и сбежал, воспользовавшись утренней суматохой.

Все картины Владимира немедленно конфисковали и сожгли в огромном камине зала приемов царского советника. Действо длилось четыре часа.

В полночь гости столпились у окон, чтобы полюбоваться зрелищем казни. Владимир, стоя в глубине ниши, наблюдал за злодейством. Двое гвардейцев приволокли его жену Клару, арестованную накануне вечером, в равелин. Оказавшись во дворе, она подняла глаза к небу. Две-надцать солдат навели на нее ружья. Владимир молился, чтобы Клара в последний раз встрети-лась с ним взглядом, но этого не произошло. Она глубоко вдохнула, раздался залп, ноги женщины подкосились, и ее тело осело в глубокий грязный снег. Эхо ее любви перелетело через стену, и воцарилась тишина. Во вспышке душевной боли Владимир осознал, что жизнь сильнее его искусства. Идеальная гармония всех красок мира не смогла бы выразить его горя. Обильно лившееся в ту ночь за столами вино ассоциировалось у него с кровью несчастной Клары. Алые ручьи растопили белый снежный покров, начертав эпитафии на черной брусчатке, подобно черным осколкам, пронзившим сердце художника. Десять лет спустя в Лондоне этот навечно впечатавшийся в память художника сюжет стал темой одной из лучших его картин. За годы изгнания он одну за другой восстановил уничтоженные в России картины, но никогда больше не писал ни женских тел, ни лиц и изгнал из своей палитры красный цвет.

Экран погас. Джонатан поблагодарил аудиторию за шумную овацию. Он ссутулился, как если бы ноша успеха оказалась неподъемной для его застенчивой натуры. Он погладил пальцем очертания букв на папке, складывавшихся в имя и фамилию «Владимир Рацкин». «Они тебе аплодируют, старина», – прошептал он. Щеки его пылали румянцем смущения, он подхватил портфель и в последний раз неуклюже поклонился, благодаря публику. Один из слушателей поднялся, чтобы задать вопрос. Джонатан прижал портфель к груди и снова повернулся лицом к залу. Мужчина представился хорошо поставленным голосом:

– Франц Джарвиц, журнал «Новости живописи». Не кажется ли вам странным, господин Гарднер, что ни один крупный музей не выставляет картин Владимира Рацкина? Не связано ли это с консервативностью вкусов?

Джонатан подошел к микрофону:

– Я потратил много времени и сил, чтобы вернуть творения Рацкина зрителям. Он, как многие другие большие художники, не был признан при жизни. Он никогда не пытался понравиться публике, главное в его творчестве – искренность. Владимир хотел запечатлеть надежду, его интересовало все истинное в натуре человека, что никак не способствовало благосклонности критиков.

Джонатан поднял голову, его взгляд устремился куда-то за пределы зала, в иную эпоху. Страх исчез, слова лились свободно, словно старый художник встал к мольберту и писал на его сердце:

– Взгляните на лица, которые он писал, на свет, рождавшийся под его кистью, проникните благородством и смирением его персонажей. Ни на одном полотне вы не найдете сжатой в кулак руки или уклончивого взгляда.

Зал слушал, затаив дыхание. Следующий вопрос задала сидевшая в первых рядах женщина.

– Сильви Леруа, музей Лувра, – представилась она. – По легенде последнюю картину Владимира Рацкина никто никогда не видел: ее не нашли. Что вы об этом думаете?

– Это не легенда, мадам. Рацкин писал Алексею Саврасову, что, преодолевая подтачивавшую его силы болезнь, начал писать новую картину, и называл ее своим лучшим творением. На вопрос Саврасова о здоровье и о том, как продвигается дело, Владимир ответил, что только работа над этим полотном помогает ему преодолевать раздирающую внутренности боль. Владимир Рацкин умер, дописав свой последний шедевр, загадочно исчезнувший во время престижного аукциона в Лондоне в 1868 году, через год после кончины живописца.

Джонатан рассказал, что полотно сняли с торгов в последний момент и что по непонятным причинам ни одна картина Владимира Рацкина в тот день продана не была. О художнике надолго забыли. Эта несправедливость удручала как самого Джонатана, так и всех тех, кто считает Рацкина одним из величайших живописцев столетия.

– Душевная щедрость часто разжигает ревность и пренебрежение современников, – продолжил Джонатан. – Некоторые люди воспринимают только мертвую красоту. Но сегодня время утратило власть над Владимиром Рацкиным. Искусство рождается из чувства и становится бессмертным, живет вне времени. Большая часть его работ выставлена в небольших музеях или является частью крупных частных коллекций.

– Считается, что, работая над последней картиной, Рацкин нарушил самозапрет и нашел какой-то необыкновенный красный цвет, – прозвучал следующий вопрос.

Весь зал замер в ожидании ответа. Джонатан заложил руки за спину, прищурился и поднял голову.

– Как я уже сказал, картина неожиданно исчезла и публика ее так и не увидела. По сей день никаких сведений о ней не появлялось. Я ищу ее следы с тех пор, как начал работать экспертом. Доказательством существования картины остаются письма Владимира Рацкина к Саврасову и немногочисленные статьи в газетах тех лет. Отвечу осторожно: все сведения о сюжете картины и ее композиции основаны на слухах. Благодарю за внимание.

Слушатели захлопали, и Джонатан поспешил уйти в кулису. Питер обнял друга за плечо, поздравляя с успехом.

В конце дня залы Конгресс-центра в Майами, где работали четыре тысячи шестьсот человек, одновременно пустели. Людской поток растекался по барам и ресторанам комплекса. От Центра имени Джеймса Л. Найта общей площадью тридцать тысяч квадратных футов к шестисоткомнатному отелю «Хайат Редженси» тянулся бульвар.

После выступления Джонатана прошел час. Питер не расставался с мобильником, Джонатан сидел у стойки бара. Он заказал «Кровавую Мэри» и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. В глубине освещенного бронзовыми светильниками зала старый пианист наигрывал мелодии Чарли Хейдена. Джонатан наблюдал за контрабасистом. Он обнимал инструмент, нашепывал ему ноту, которую собирался взять. На дуэт мало кто обращал внимание, хотя играли музыканты просто божественно. Казалось, эти двое проделали вместе долгий путь. Джонатан встал, подошел к «Стейнвею» и положил десятидолларовую бумажку в стоявший на крышке рояля бокал. Контрабасист поблагодарил, сухо ущипнув струну. Когда Джонатан вернулся к стойке, купюры в бокале уже не было, хотя дуэт не взял ни одной фальшивой ноты.

На соседний табурет села женщина. Они раскланялись. Серебристо-седые волосы незнакомки напомнили ему о матери. Мы запоминаем родителей в одном определенном возрасте, словно любовь стирает воспоминания о том, как они старели.

Женщина прочла на бейджике Джонатана его имя и род занятий – эксперт по живописи.

– Какой период? – осведомилась она, и не подумав представиться.

– Деятнадцатый век. – Джонатан поднял стакан.

– Изумительная эпоха. – Женщина сделала большой глоток бурбона – бармен как раз налил ей вторую порцию. – Я посвятила ему большую часть своих исследований.

Заинтригованный Джонатан взгляделся в висевший у нее на шее бейдж. Дама оказалась участницей симпозиума по оккультным наукам. Джонатан удивленно покачал головой.

– Вы ведь не читаете гороскопы? – предположила соседка. Она сделала новый глоток и добавила: – Как и я, можете мне поверить!

Она крутанулась на табурете, протянула Джонатану руку с бриллиантом необычной формы на безымянном пальце.

– Старинная огранка впечатляет, хотя каратов немного. Я очень люблю это семейное украшение. Я профессор, руковожу исследовательской лабораторией в Йельском университете.

– Над чем вы работаете?

– Над одним синдромом.

– Новая болезнь?

Она лукаво подмигнула:

– Синдром дежавю!

Эта тема всегда интересовала Джонатана. Он не раз испытывал ощущение, что уже переживал происходившее с ним в определенный момент времени.

– Говорят, наш мозг способен предвидеть будущее событие.

– Все ровно наоборот: это одно из проявлений памяти.

– Но как можно помнить непережитое?

– А кто говорит о непережитом?

И заговорила о феномене прежних жизней, и лицо Джонатана приняло насмешливое выражение. Она отодвинулась и смерила его взглядом.

– У вас красивые глаза! Вы курите?

– Нет.

– Так я и думала. Дым вас не смущает? – спросила женщина, доставая из кармана пачку сигарет.

– Нисколько, – заверил Джонатан.

Он взял со стойки коробок, чиркнул спичкой и дал женщине прикурить.

– Вы преподаете? – осведомился он.

– Случается, я собираю полные аудитории. Вы не верите в прошлые жизни, так зачем эмигрировали в девятнадцатый век?

Задетый за живое, Джонатан задумался. Выдержав паузу, он придвинулся к ней:

– У меня возникла почти чувственная связь с одним жившим в то время художником.

Она разгрызла лед и уставилась на заставленную бутылками стенку бара.

– Почему начинаешь интересоваться прошлыми жизнями? – спросил Джонатан.

– Это случается, когда человек смотрит на часы и ему не нравится то, что он видит.

– Именно это я безуспешно пытаюсь объяснить моему лучшему другу. Кстати, я вообще не ношу часов!

Джонатану стало не по себе от изучающего взгляда женщины.

– Простите, – сказал он, – я пытался острить.

– Редкий мужчина просит прощения. Чем именно вы занимаетесь?

Столбик пепла ее сигареты грозил осыпаться на стойку, и Джонатан подвинул пепельницу под пожелтевший указательный палец собеседницы.

– Я эксперт.

– Значит, много путешествуете.

– Даже слишком.

Седовласая женщина погладила пальцем стекло своих часов:

– Время тоже путешествует. В разных местах оно разное. Только в нашей стране четыре часовых пояса.

– Мы с моим желудком терпеть не можем разницу во времени. Бывает, я неделями завтракаю в ужин.

– Наше представление о времени ошибочно. Время – это измерение, наполненное частицами энергии. Каждый вид, каждый индивидуум, даже каждый атом пересекают это измерение

на свой манер. Возможно, я когда-нибудь докажу, что Вселенная заключена во времени, а не наоборот.

Джонатан так давно не имел дела с воистину увлеченными людьми, что охотно погрузился в беседу. Женщина продолжила:

– Когда-то люди верили, что Земля плоская, а Солнце вращается вокруг Земли. Большинству людей достаточно верить в то, что они видят. Настанет день, и мы поймем, что время движется, вращается, как Земля, и непрерывно расширяется.

Джонатан был растерян и начал рыться в карманах пиджака. Женщина придвинулась еще ближе:

– Когда мы будем готовы подвергнуть сомнению собственные теории, то поймем гораздо больше про относительную и истинную протяженность жизни.

– И вы читаете об этом лекции? – изумился Джонатан.

– Видели бы вы свое лицо! Представьте, как отреагировали бы мои студенты, обрушь я на их головы результаты моих исследований... Нам еще слишком страшно, мы не готовы. Как и наши невежественные предки, мы причисляем к паранормальному или к эзотерике все, чего не можем постичь, все, что тревожит наш ум. Наш вид жаждет приобщиться к науке, но страшится открытий. Мы лечим страхи верованиями, моряки в старину отказывались заплывать слишком далеко, свято веря, что в стороне от привычного мира их подстерегает бездонная пропасть.

– В моем деле тоже есть научные стороны. Время меняет живопись, многое скрывает от взоров людей. Не представляете, сколько чудес открывается при реставрации!

Неожиданно женщина схватила его за руку и уставилась на него блестящими голубыми глазами.

– Вы ничего не поняли, господин Гарднер. Я не хотела докучать вам, просто увлеклась.

Джонатан сделал знак бармену, чтобы тот наполнил бокал женщины. Она следила из-под тяжелых век, как маслянистая янтарная жидкость льется по хрустальной стенке. Поболтав кубиками льда, она залпом выпила виски и продолжила, отвечая на молчаливое приглашение Джонатана:

– Мы ждем новых исследователей, наших путешественников во времени. Довольно будет небольшой группы Магелланов, Коперников и Галилеев. Мы объявим их еретиками, подвергнем осмеянию, но именно они проложат пути в глубь Вселенной, сделают наши души видимыми.

– Оригинальные речи для ученого! Обычно наука и духовность не ходят рука об руку.

– Бросьте банальности! Вера – дело религии, а духовность рождается из нашего сознания, кем бы мы ни были или ни считали себя.

– Вы действительно полагаете, что после смерти тела души продолжают жить?

– То, чего глаз не видит, не перестает существовать!

Она заговорила о душе, и Джонатан задумался о душе старого русского художника, вселившейся в него в одно дождливое воскресенье, когда отец привел его в музей. В большом зале под высоченным потолком висели картины Владимира Рацкина. Чувство, которое он испытал, широко распахнуло двери отрочества, навсегда определив его судьбу.

Голубые глаза женщины стали почти черными из-за расширившихся зрачков. Несколько секунд она смотрела на Джонатана, словно оценивая его, потом перевела взгляд на свой бокал.

– То, что не отражает свет, прозрачно, – сказала она надтреснутым голосом. – И тем не менее оно существует. Мы не видим жизнь, когда она покидает тело.

– Признаюсь, что не нахожу ее кое в ком из живых...

Она улыбнулась.

– Рано или поздно все умирает, – смутившись, закончил Джонатан.

– Каждый из нас возводит и разрушает свое существование в собственном ритме. Мы стареем не из-за течения времени, а потому, что лишь частично возобновляем потребляемую энергию.

– Полагаете, мы оснащены некими аккумуляторами, работаем от них и подзаряжаем?

– В каком-то смысле.

Если бы не научные звания на бейдже, Джонатан мог бы подумать, что его собеседница – из тех одиноких чудаков, что сутками просиживают в барах в надежде поделиться со случайным соседом безумными теориями. Пребывая в недоумении, он подал знак бармену, но она покачала головой, и тот вернул бурбон на стойку.

– Думаете, душа живет несколько раз? – не отставал Джонатан.

– Не все.

– В детстве бабушка говорила, что звезды – это души взятых на небеса людей.

– Свет звезды не путешествует во времени, оно несет его к нам. Поняв, что есть время, мы сможем путешествовать в его измерении. Наши тела ограничены физическими силами, но души свободны.

– Было бы замечательно представлять души бессмертными. Я знаю душу одного художника...

– Умерьте пыл. Большинство душ угасают. Мы стареем, а души меняются в размерах, накапливая знания.

– Что они хранят в своей памяти?

– Воспоминания о путешествии по Вселенной! Свет, что они поглощают! Геном жизни! Они несут послание – от бесконечно малого до бесконечно великого, до всеобщей мечты. Мало кто из живущих на планете совершает кругосветное путешествие, и не многие души достигают цели своего путешествия: описать полный круг творения. Души – это электрические волны. Они состоят из миллиардов частиц, как и все во Вселенной. Подобно звезде из сказки вашей бабушки, душа страшится рассеяния, все для нее сводится к энергии. Вот почему ей необходимо физическое тело: она поселяется в нем, набирается сил и продолжает путь во временном измерении. Когда в теле не остается энергии, она его покидает и ищет новый источник жизни, чтобы продолжить скитания.

– Сколько времени уходит на поиски?

– День, век? Все зависит от ее силы и запаса энергии, накопленного за предыдущую человеческую жизнь.

– А если энергии мало?

– Тогда душа угасает.

– Что это за энергия?

– Источник жизни: чувство!

Питер тронул Джонатана за плечо, и он вздрогнул от неожиданности.

– Прости, что прерываю, старик, они не станут держать столик, а другой мы вряд ли получим, здесь сегодня полно оголодавших пентюхов.

Джонатан пообещал через несколько минут присоединиться к другу в ресторане. Питер кивнул женщине и, сделав страшные глаза, покинул бар.

– Знаете, господин Гарднер, – продолжила она, – я не верю в случай.

– При чем тут случай?

– Мы придаем ему недопустимо большое значение. Из всего, что я вам наговорила, запомните одно. Случается, что две души встречаются и сливаются воедино, навечно попадая в зависимость друг от друга. Они неразлучны и будут встречаться снова и снова. Если во время очередного земного воплощения одна половинка оторвется от другой, нарушив клятву, обе тотчас угаснут. Одна не может продолжить путешествие без другой.

Лицо пожилой женщины вдруг изменилось, став жестким, в глазах снова заплескалась синева. Она встала, схватила Джонатана за запястье и сжала что было сил. Ее голос теперь звучал в самом низком регистре:

– Мистер Гарднер, вы сейчас догадываетесь шестым чувством, что я вовсе не выжившая из ума старуха. Запомните то, что я сейчас скажу: не отступайтесь! Она вернулась, она рядом. Она ждет вас где-то на этой Земле, она вас ищет. Отныне время отсчитывается для вас обоих. Если вы отречетесь друг от друга, это будет еще хуже, чем пройти мимо собственной жизни, вы утратите души. Конец пути каждого из вас окажется полным крахом, а ведь цель так близка! Когда вы встретитесь, постарайтесь не разминуться.

Вернувшийся Питер потянул Джонатана за рукав, заставляя расстаться с табуретом.

– Они отказываются сажать меня за столик, пока не будет «комплект». Я выторговал у метрдотеля трехминутную отсрочку, потом он поставит нас в хвост очереди. Поторопись, иначе антрекот с кровью перестанет истекать соком!

Джонатан высвободился, но седая женщина исчезла. Его сердце заколотилось, он кинулся в коридор, но искать ее в плотной толпе было делом безнадежным.

2

Метрдотель посадил их в кабину в глубине ресторана. Джонатан пытался и не мог сбросить напряжение и почти не ел.

– Что это ты делаешь, старик? – не переставая жевать, спросил Питер.

– А что я делаю?

– Пытаешься ослабить узел галстука.

– И что?

– Ты не носишь галстуков!

Джонатан заметил, что у него дрожит правая рука, убрал ее под стол и взглянул в глаза Питеру.

– Ты веришь в судьбу?

– Ну, судьба моего антрекота predetermined, если ты об этом спрашиваешь.

– Перестань ерничать, я серьезно.

– Серьезно?

Питер поддел вилкой ломтик картошки, отправил его в рот и блаженно зажмурился.

– Есть рейс в двадцать два часа. Если поторопишься, успеешь. – Питер нацелился вилкой на кусок мяса. – Ты ужасно выглядишь!

Джонатан, так и не прикоснувшийся к еде, отломил кусочек мякиша и стал катать его в пальцах. Сердце у него отчаянно колотилось.

– Я сам займусь счетом. Сматывайся!

Голос Питера вдруг отдалился.

– Что-то мне нехорошо... – пробормотал Джонатан, стараясь взять себя в руки.

– Женись уже на ней и покончи с этим! Вы с Анной начинаете меня утомлять.

– Не хочешь вернуться сегодня вечером, вместе со мной?

Питер не расслышал в словах друга призыва о помощи и налил себе вина.

– Честно говоря, я хотел воспользоваться моментом и рассказать тебе о возникших проблемах, посоветоваться, как реагировать на нападки в прессе. Мне нужно, чтобы ты пораскинул мозгами над моими лотами на следующем аукционе, но делать нечего, займусь антрекотом... Не могу обмануть его ожидания, это нарушило бы принципы закоренелого холостяка!

Поколебавшись, Джонатан встал и достал из кармана бумажник.

– Ты не обиделся?

Питер не позволил ему достать деньги.

– Даже не думай! Не хватало, чтобы ты платил за ужин, не проглотив ни куска. Лучше ответь на один личный вопрос. Это останется между нами.

– Валяй, спрашивай!

Питер с видом заговорщика указал на нетронутый кусок мяса на тарелке Джонатана:

– Можно? – И, не дожидаясь ответа, поменял тарелки местами и взялся за второй по счету антрекот. – Давай, беги! Не забудь обнять ее за меня. Позвоню завтра, когда приеду. Мне действительно нужна твоя помощь, один я не справлюсь.

Джонатан стиснул пальцами плечо друга, подпитавшись от него душевным равновесием. Питер поднял голову и взглянул в его лицо.

– Ты уверен, что с тобой все в порядке?

– Просто устал, не беспокойся. Можешь на меня рассчитывать.

Он пошел к выходу и едва не ослеп от блеска огней на фасаде гостиницы. Ошалевший, неуклюжий, Джонатан напоминал просадившего последние деньги игрока. Привратник подождал такси. Машина тронулась, и Джонатан опустил стекло, чтобы глотнуть воздуха.

– Не повезло? – сочувственно спросил водитель, наблюдавший за ним в зеркало.

Джонатан покачал головой, закрыл глаза и откинулся на подголовник. Свет уличных фонарей падал на сомкнутые веки, и в глазах вспыхивали искры. Джонатан почему-то вспомнил, как в детстве прикреплял картонку к спицам переднего колеса своего велосипеда. Лицо обдувал холодный ветерок. Джонатан открыл глаза. Мимо проносился пейзаж предместья. Джонатан чувствовал себя опустошенным.

– Я съехал с автострады, там пробка из-за аварии, – сообщил водитель.

Они встретились взглядом.

– Вы сладко спали. Хорошо покутили?

– Если бы! Работа замучила...

– Да уж, приходится вкалывать, если хочешь остаться на плаву!

– Мы скоро приедем? – поинтересовался Джонатан.

– Надеюсь, недолго осталось. Не волнуйтесь, плата по таксе.

Вдалеке показались оранжевые огни аэропорта. Таксист подрулил к стоянке для пассажиров «Континентальных авиалиний». Джонатан расплатился, белый «форд» с красными дверцами уехал.

Служащая у стойки регистрации сообщила, что все четыре места в первом классе заняты, зато экономкласс практически свободен. Джонатан выбрал место у иллюминатора. В этот вечерний час пассажиров было гораздо меньше, он быстро прошел контроль безопасности и зашагал по бесконечному коридору в зал вылета.

«Макдоннелл-Дуглас» с эмблемой «Континентальных авиалиний» касался носом стеклянной стены. Мальчуган, ждавший посадки вместе с матерью, помахал рукой летчикам, и командир корабля ответил ему. Через несколько минут дюжина прилетевших пассажиров уже поднималась вверх по эскалатору. Закрывшая за ними дверь стюардесса объявила, что уборка на борту подходит к концу и ждать осталось недолго.

Через считанные мгновения ее рация затрещала, она выслушала сообщение и объявила начало посадки.

Самолет вынырнул из плотного слоя облаков, и серебристый свет разорвал завесу ночи. Джонатан откинул спинку кресла, пытаясь устроиться поудобней и уснуть, но ничего не вышло, и он прижался лбом к стеклу иллюминатора, наблюдая за проплывающими внизу пушистыми утесами.

Дом встретил его тишиной. Джонатан заглянул в спальню и увидел, что постель не разобрана. Значит, Анна наверху. Он вошел в ванную и встал под душ. Вода била в лицо, растекалась по телу, принося расслабление. Джонатан надел халат и поднялся на второй этаж. В мастерской было темно, только луна светила через стеклянную крышу. Анна спала на диванчике. Он бесшумно приблизился и застыл, сторожа ее сон, потом опустил на колени и погладил ее по щеке. Она отодвинулась, не открывая глаз, и он подтянул повыше серый плед, а потом улегся в их широкую кровать, подоткнул под себя одеяло и заснул, убаюканный стуком капель по стеклу.

В Бостон пришла снежная зима. Старый город готовился к Рождеству, повсюду горели огни иллюминации. В промежутке между двумя деловыми поездками Джонатан завернул домой, где его ждала Анна и совсем иные приготовления.

Анна готовила свадебную церемонию, не упуская ни одной, самой мелкой детали, вплоть до выбора бумаги для приглашений, цветов для церкви, текстов для службы, закусок для кок-

тейля перед основным застольем, расстановки столов с учетом сложной иерархии бостонского света, оплаты свадебного оркестра и подбора мелодий. Джонатан, желая проявить добрую волю, проникался ее страстным желанием сделать их свадьбу самой прекрасной из всех, что видел Бостон. Каждую субботу они ходили по магазинам, все воскресенья посвящали изучению каталогов и отобранных накануне образцов. Иногда Джонатану начинало казаться, что выбор скатертей и букетов для свадебных столов не добавит красоты церемонии. С каждой неделей его энтузиазм таял на глазах.

Весна выдалась ранней, и владельцы ресторанов в старой гавани обслуживали посетителей на протянувшихся до открытого рынка террасах. Анна и Джонатан решили сделать перерыв на ланч и заказали огромное блюдо даров моря. Анна достала блокнот и принялась что-то вычеркивать на последней странице. Джонатан искоса поглядывал на нее, надеясь, что это предвещает конец затянувшихся приготовлений. Еще четыре недели – и в этот самый час они соединятся священными узами брака.

– Три уик-энда ничегонеделания очень помогут нам пережить Великий день!

– Все шутишь? – откликнулась Анна, покусывая ручку.

– Я знаю, что это твоя любимая ручка. За последние месяцы ты штук двадцать таких жевала. Может, для разнообразия перейдешь на устриц?

– Ты же знаешь, Джонатан, у меня нет родителей и мне никто не поможет все организовать, а когда я смотрю на тебя, у меня порой появляется чувство, что свадьба – мое сольное выступление.

– А мне иногда кажется, что ты выходишь замуж за кольца для салфеток!

Анна одарила его уничтожающим взглядом, забрала блокнот и ушла с террасы. Джонатан не пытался ее удержать. Дождавшись, когда не в меру любопытные посетители за соседними столиками отвернутся, он принялся за еду. Потом он долго бродил между стойками с дисками и любовался толстым черным свитером, тянувшим к нему рукава из витрины магазинчика. Гуляя по улицам старого города, он пробовал дозвониться Питеру, но всякий раз попадал на голосовую почту. Пришлось оставить другу сообщение. Он остановился у лавки цветочника, купил несколько алых роз и пешком вернулся домой.

Он нашел Анну на кухне. Она повязала полосатый фартук, выгодно подчеркивавший ее фигуру. Подношение Джонатана она вроде как и не заметила. Он устроился на высоком табурете и с умилением следил за Анной, так и не проронившей ни единого слова. Резкие движения выдавали бурлившую в ней ярость.

– Прости, – сказал он, – я не хотел тебя обидеть.

– Но обидел! Я хочу сделать эту церемонию незабываемой для нас обоих, я твоя жена и – представь себе! – хочу, чтобы ты добился успеха! Не я нуждаюсь во внимании и уважении состоятельных людей Восточного побережья. Развешивая твои картины на стенах гостиной, они в каком-то смысле раз за разом подтверждают твою успешность.

– Может, оставим этот дурацкий спор? – не выдержал Джонатан. – Лучше скажи, кто будет подружкой невесты? Ты наконец решила?

Он обошел кухонный стол и попробовал обнять Анну, но она не позволила.

– Тебе должны завидовать, Джонатан... – Анна не могла успокоиться. – Для этого я навожу красоту, даже когда иду за покупками, для этого содержу дом в идеальном порядке, поэтому наши званые ужины знамениты на весь город! Эту страну движет вперед зависть, так что не смей попрекать меня перфекционизмом, я работаю на твое будущее.

– Я не торгую картинами, Анна, я их оцениваю, – со вздохом промолвил Джонатан. – И мне наплевать на то, что думают другие! Мы собираемся жениться, и я должен сделать важное

признание – макияж мало меня волнует: утром, когда ты еще спишь, я нахожу тебя бесконечно красивей, чем «при полном параде». По утрам, в нашей уютной постели, я могу вволю тобой любоваться, не боясь чужих глаз. Мне бы хотелось, чтобы время спланивало нас, а не разделяло.

Она поставила на стойку недооткупоренную бутылку и посмотрела ему в глаза. Джонатан подошел к ней вплотную, скользнул ладонями по спине и бедрам, дернул за завязки фартука. Анна для вида посопротивлялась, но быстро сдалась.

Утро было холодным. Случившуюся накануне размолвку они уладили к ночи. Джонатан встал, приготовил поднос с завтраком и отнес его Анне. Они ели, наслаждаясь законным воскресным бездельем. Потом Анна поднялась в мастерскую, а Джонатан остался валяться в кровати. Обедать они не стали и отправились бродить по улочкам старой гавани. В четыре часа они опустошили прилавок в итальянской лавке и долго выбирали фильм в видеопрокате на углу улицы.

На другом конце города Питер высунул всклокоченную голову из-под тяжелого одеяла. Дневной свет прогнал остатки сна. Он потянулся и взглянул на стоявший на ночном столике радиобудильник. Пора вставать. Питер сладко зевнул, нащупал в кровати пульт и наугад ткнул кнопку. Экран на противоположной стене замерцал, и он принялся листать каналы. Конвертик в нижнем углу экрана означал, что для него есть послание. Питер переключился в режим чтения и обнаружил, что сообщение отправлено из лондонского офиса «Кристи». На Восточном побережье США было три часа дня, а по другую сторону океана – восемь вечера.

– Они тоже не читали газету! – проворчал Питер.

Шрифт оказался слишком мелким. Питер ненавидел очки для чтения, выписанные ему несколько месяцев назад, он отказывался стареть и предпочитал очкам комичную гимнастику – гримасы, якобы обостряющие зрение. Содержание письма привело его в изумление. Перечитывая в третий раз лондонский имейл, он нащупал телефон, не глядя набрал номер и замер в нетерпеливом ожидании. После десятого гудка он нажал на рычаг и тут же набрал номер снова, а после третьей безуспешной попытки рывком выдвинул ящик ночного столика, достал мобильник и попросил справочную переключить его на службу бронирования авиакомпании «Британских авиалиний». Прижав сотовый щекой к плечу, он вошел в гардеробную, чтобы достать с верхней полки чемодан, для чего ему пришлось встать на цыпочки. Он ухватился за ручку, и тут на него свалилась куча. Ему ответили, когда он, отчаянно бранясь, пытался сбросить с головы пижамные штаны.

– Почему так долго? Что, корону Британской империи снова украли и вы всем скопом ее ищите?

В шесть вечера с потемневшего неба на город обрушился ливень. Разбухшие тучи теснились друг к другу, просвечивая оранжево-черным светом, извергая на асфальт косые серебряные струи воды. Джонатан опустил окно. Нет ничего лучше, чем отдохнуть в ненастье перед телевизором. Он отправился на кухню и достал из холодильника выбранные Анной итальянские закуски. Он поставил в духовку баклажаны, щедро посыпал блюдо пармезаном и подошел к висевшему на стене телефону, чтобы позвонить в мастерскую, как вдруг замигала лампочка внешнего вызова и раздался звонок.

– Куда ты провалился? Я десятый раз пытаюсь дозвониться!

– Добрый вечер, Питер!

– Собирай чемодан. Встречаемся в аэропорту Логан, у стойки «Британских авиалиний». Лондонский рейс, вылет в 12.15. Я забронировал два места.

– Предположим на мгновение, что сегодня не воскресенье, что я не на кухне, не готовлю ужин женщине, на которой женюсь через месяц, и не собираюсь в который уже раз смотреть вместе с ней «Мышь и старые кружева»... Зачем мне лететь с тобой?

– Люблю, когда ты так говоришь. Можно подумать, что мы уже в Англии, – съязвил Питер.

– Ладно, старик, приятно было поболтать, но, как ты любишь говорить, у меня интим с баклажанным gratenom, так что, если не возражаешь...

– Я только что получил имейл из Лондона. Некий коллекционер выставляет на торги пять картин, фамилия художника, кажется, Рацкин... С чем, говоришь, у тебя лазанья?

– Ты серьезно?!

– При случае я познакомлю тебя с человеком, сообщившим мне эти сведения. Так что я более чем серьезен! Картинами займемся либо мы, Джонатан, либо наши конкуренты, так что решай сам. Конъюнктура рынка нередко зависит от качества экспертизы.

Джонатан нахмурился и начал нервно наматывать телефонный шнур на палец.

– Пять полотен Рацкина на аукционе в Лондоне? Быть того не может!

– Я не говорил, что картины выставят на продажу, но их покажут публике. Моя карьера будет спасена, если я продам коллекцию такого качества в Бостоне.

– Ты назвал неверное количество картин, Питер. Всего четыре работы Рацкина находятся в частных, недоступных для широкого зрителя коллекциях.

– Не стану спорить с экспертом, – сказал Питер и поддел друга: – Значит, я правильно рассудил, что эта загадка стоит блюда пасты. До скорого!

Раздался щелчок: Питер повесил трубку не попрощавшись. Несколько секунд спустя подслушивавшая весь разговор Анна поставила кисть в баночку с водой, набросила кашемировую пелерину, распустила волосы и спустилась по лестнице в кухню. Джонатан так и остался стоять рядом с телефоном. Лицо его выражало задумчивость, и он вздрогнул, услышав ее голос:

– Кто это был?

– Питер.

– У него все в порядке?

– Вполне.

Анна втянула ноздрями пропитавший кухню аромат шалфея, открыла дверцу духовки и полюбовалась румяной корочкой сыра на противне.

– Устроим пир! Я голодна как волк, а ты? Жду тебя в гостиной, поставлю пока фильм.

– Я тоже, – угрюмо буркнул Джонатан.

Анна цапнула за хвостик маленький артишок и отправила его в рот.

– Обожаю итальянскую кухню! – сообщила она с полным ртом, промокнула жирные от оливкового масла губы и вышла.

Джонатан вздохнул, достал из духовки раскаленный противень и аккуратно переложил содержимое на блюдо. Он расставил закуски вокруг тарелки на подносе, а свою долю убрал в холодильник, откупорил бутылку кьянти, налил вино в изящный бокал на высокой ножке и расположил его рядом с моцареллой в мисочке.

Анна устроилась на диване, у включенного телевизора. Оставалось включить плеер и насладиться фильмом Фрэнка Капры.

– Принести твой поднос? – спросила Анна нежным голосом.

Он сел рядом, взял ее за руку и с виноватым видом сообщил, что ужинать не будет. Не давая ей раскрыть рот, он объяснил, зачем звонил Питер, и рассыпался в извинениях. Он должен ехать не только ради себя, но и для того, чтобы выручить друга. Аукционный дом «Кри-

сти» не поймет его, если он пропустит торги. Такая профессиональная ошибка чревата неприятностями для его карьеры, о которой сама Анна так печется. Чтобы быть до конца честным, он признался, что всегда мечтал рассмотреть эти полотна с близкого расстояния, увидеть все линии на холсте, оценить колорит, не искаженный камерой фотоаппарата и ретушью...

– Кто продавец? – спросила она, поджав губы.

– Понятия не имею. Картины могут принадлежать наследнику галериста, выставлявшего Рацкина при жизни. Они никогда не выставлялись на официальные торги, и я вынужден был довольствоваться фотографиями и сертификатами подлинности, когда составлял первый комментированный каталог.

– О каком количестве полотен идет речь?

Джонатан колебался, понимая, что не может поделиться с ней надеждой найти пятую картину, о которой рассказал Питер. Анна считала последнюю работу Владимира Рацкина химерой, плодом всепоглощающей нездоровой страсти ее будущего мужа к старому безумному художнику.

В гардеробной Джонатан сложил в маленький чемодан несколько выглаженных рубашек, пуловер, галстуки и белья на пять дней. Сосредоточившись на сборах, он не услышал шагов Анны у себя за спиной.

– Ты снова покидаешь меня ради любовницы, на сей раз – за четыре недели до свадьбы. Это переходит все границы!

Джонатан оглянулся. Его очаровательная будущая жена стояла в проеме двери.

– Моя любовница, как ты изволила выразиться, старый художник, псих – по твоим же словам, – упокоившийся много десятилетий назад. Такой выбор должен был бы тебя успокаивать!

– Не знаю, что и сказать... Ведь я тоже часть твоего выбора!

– Не извращай мои слова! – возмутился Джонатан и попытался обнять Анну.

Она не далась и оттолкнула его:

– Ты увяз!

– У меня нет выбора, Анна, не осложняй все еще больше. Ну почему, почему я не могу разделить эту радость с тобой?

– А если бы Питер позвонил накануне свадьбы, ты отменил бы церемонию?

– Питер – мой лучший друг и шафер. Накануне свадьбы он бы звонить не стал.

– Да что ты? А по-моему, за ним бы не заржавело!

– Ошибаешься. Чувство юмора у него особое, и ты его не воспринимаешь, но Питер очень деликатный человек.

– Он это успешно скрывает. Но если бы он все-таки позвонил, что бы ты сделал?

– В этом случае мне пришлось бы отвергнуть возлюбленную и вступить в законный брак со спутницей жизни.

Джонатан питал слабую надежду, что Анна перестанет доставать его. Чтобы не дать ей втянуть себя в бесконечный спор, он взял сумку и зашел в ванную за несессером. Но она и не думала сдаваться. Он снял с вешалки плащ и потянулся поцеловать ее, но она отклонила.

– Ты не станешь отрицать, что Питер позвонил бы и утром, в день свадьбы!

Джонатан спустился вниз, повернул ручку двери, оглянулся и долго смотрел на Анну: она стояла на верху лестницы, сложив руки на груди.

– Нет, он дождался бы утра понедельника, и я прикончил бы его за то, что он *не* позвонил.

Он вышел, хлопнув дверью. Подозвал такси и попросил отвезти его к терминалу «Британских авиалиний» аэропорта Логан. Город был омыт ливнем. Бежавшие по тротуару потоки воды уничтожали следы его шагов. Когда машина отъехала, деревянные жалюзи на окнах мастерской опустились. Анна улыбалась.

3

Питер ждал Джонатана под табло посадки на рейс БА-776, провожая взглядом последних исчезающих в рукаве пассажиров. Джонатан хлопнул Питера по плечу, он обернулся и вздернул брови при виде помятого лица друга.

– Я все еще ваш шафер?

– Если все пойдет по-прежнему, готовься к роли свидетеля на бракоразводном процессе.

– Как скажешь, но сначала тебе все-таки придется пойти под венец, иной порядок вещей невозможен.

Дежурный нетерпеливо махнул им рукой: все пассажиры были на борту, ждали только их. Питер выбрал кресло у иллюминатора. Джонатан забросил чемоданчик на багажную полку, и самолет начал разгон.

Час спустя стюардесса начала развозить обед, но Питер учтиво отказался за них обоих. Джонатан удивленно взглянул на него.

– Спокойно, приятель! – хитро улыбнулся Питер. – Я придумал две хитрые хитрости, улучшающие качество длинных перелетов. Во-первых, посетил твой любимый магазинчик и накупил массу вкусок, чтобы не мучила совесть из-за твоей лазаньи.

– Это был гратен из баклажанов, – возразил уязвленный Джонатан. – Ну и где же твои сказочные яства? Я проголодался.

– В одном из ящиков для багажа у тебя над головой. Как только стюардесса с тележкой скроется за занавеской, я их достану.

– Ладно, рассказывай про вторую хитрость.

Питер достал из кармана упаковку лекарств и повертел ее перед носом Джонатана.

– Вот она! – с победным видом объявил он. – Волшебная пилюля. Проснешься, посмотришь в иллюминатор и скажешь: «Черт побери, кажется, это Лондон!»

Питер вытряхнул две таблетки себе на ладонь и протянул одну Джонатану, но тот отказался.

– Ну и зря! – Питер проглотил таблетку. – Это не снотворное, просто помогает заснуть. Единственный побочный эффект – не замечаешь, как проходит полет.

Но Джонатан покачал головой, Питер прижался виском к шторке, и каждый углубился в свои мысли. Старший стюард обслужил последнего пассажира и скрылся в служебном помещении.

– В котором еда? – спросил Джонатан, кивнув на ряд отделений над креслами.

Питер не ответил, он уже спал. Джонатан похлопал друга по плечу, но не преуспел. Он повторил попытку, но Питер не отреагировал. Джонатан заглянул в ящики над креслами: с десятков сумок и пальто лежали вперемешку. Он сел, трясаясь от злости. В кабине царил полумрак. Через час Джонатан погасил свет и попытался нашарить в кармане Питера заветный пузырек, но тот громко храпел, прижимаясь виском к иллюминатору, и правый карман был недосягаем.

Прошло шесть часов, и появилась стюардесса с завтраком. Оголодавший Джонатан с радостью взял поднос. Девушка наклонилась, чтобы откинуть столик Питера, он проснулся, зевнул и с негодующим видом воскликнул:

– Я же сказал, что ужин за мной!

– Еще слово – и ты проснешься, посмотришь в окно и удивишься: «Надо же, как похоже на лондонскую больницу Святого Винсента!»

Стюардесса поставила завтрак Питера на столик, и Джонатан тут же увел у него булочку и круассан, проигнорировав немое возмущение друга.

В Хитроу они взяли такси и доехали до центра.

В этот ранний час Гайд-парк выглядел таким волшебным прекрасным, будто и не находился в самом сердце одной из крупнейших европейских столиц. Стволы вековых деревьев выглядывали из стелившегося над лужайками тумана. Джонатан наблюдал в окно за двумя запряженными в коляску серыми в яблоках лошадьми, бежавшими по свежему песку аллеи верховой езды. Они миновали решетку Принс-Гейт. Еще восьми не было, но на площади Марбл-Арч уже образовалась пробка. Поднявшись по Парк-Лейн, черный кэб высадил их под козырьком отеля «Дорчестер», расположенного у самого парка, в богатом районе Мэйфер. Друзья поднялись каждый в свой номер. Питер бросил сумку и постучал в дверь Джонатана. Тот открыл в белой рубашке и клетчатых трусах.

– Ты чертовски элегантен, мой бывалый путешественник! – воскликнул Питер. – Интересно, что бы ты надел, увези я тебя в Африку? Полет меня вконец измотал, – пожаловался он, упав в стоявшее у окна глубокое кожаное кресло.

Джонатан ушел в ванную, не удостоив его ответом.

– Все еще дуешься? – крикнул ему вслед Питер.

Джонатан выглянул из-за двери.

– Я провел конец недели в самолете, глядя, как ты спишь, и, судя по всему, за четыре недели до свадьбы мне светит расставание с невестой. С чего бы мне дуться? – прокомментировал он, продолжая завязывать галстук.

– Ты всегда надеваешь брюки в последнюю очередь? – съязвил Питер.

– Тебе что-то не нравится?

– Вовсе нет. Но я, например, в случае пожара предпочту выбежать в коридор без галстука, а не без штанов.

Джонатан испепелил его взглядом.

– Довольно, старик, мы здесь из-за твоего художника, – напомнил Питер.

– Твой источник хоть заслуживает доверия?

– Я ему столько плачу, что лучше бы ему не промахнуться! В письме он указал точное количество: *пять картин*, – ответил Питер, глядя в окно.

– Он ошибся, можешь мне поверить.

– Я проснулся, прочел сообщение, но не смог с ним связаться. В Лондоне был поздний вечер, человек развлекался.

– Ты снова спал до полудня?

Питер смущенно потупился:

– Я поздно лег... Между прочим, я пожертвовал уик-эндом ради утоления твоей страсти, так что перестань меня стыдить!

– А разве столь внушительный лот не уладит твои отношения с партнерами, господин аукционист?

– Будем считать, что мы пожертвовали выходными ради общего дела.

– У тебя есть другая информация?

– Адрес галереи, где с сегодняшнего дня будут выставлены полотна. Именно там проведут экспертизу, после чего владелец – или владельцы – выберет счастливец, которому поручат продажу.

– С кем тебе предстоит состязаться?

– С каждым, кто способен держать в руке молоток и кричать «Продано!». Очень надеюсь, что с твоей помощью вырву победу.

Репутация Джонатана должна была стать секретным оружием Питера в схватке аукционистов, жаждавших заполучить картины на торги. Приехав первым, да еще в компании такого суперэксперта, как Джонатан, Питер получал увесистую фору.

Они прошли через просторный холл «Дорчестера», и Питер задержался у стойки, чтобы справиться, как им добраться до галереи. Портье в красном сюртуке шустро обежал стойку, развернул карту района и прочертил ручкой маршрут. Хорошо поставленным голосом он посоветовал им обратить особое внимание на помеченное крестиком место и полюбоваться красотой фасада. Питер задумчиво вздернул бровь и поинтересовался, нет ли у дежурного близкого или дальнего родственника в Бостоне. Тот изумился, проводил их до вращающейся двери, выпустил на улицу и счел нужным еще раз повторить свои советы. Кончилось тем, что Питер вырвал у него карту, схватил Джонатана за рукав, и они удрали.

Улочки, по которым они шли, были залиты солнцем, вдоль белого тротуара тянулись красочные витрины магазинов. Развешанные на фонарных столбах корзины с цветами покачивались на ветру. Джонатану чудилось, что он попал в другое время, в иную эпоху. Он направлялся на встречу, которой всегда ждал, восхищаясь красотой и разнообразием крыш. Даже если источник Питера напутал и Джонатана ждет разочарование (он на всякий случай к этому готовился), в одной из галерей неподалеку от Пикадилли он наконец увидит последние творения Владимира Рацкина. До дома номер 10 по Альбермарл-стрит оказалось десять минут ходу. Питер достал из кармана пиджака клочок бумаги и проверил адрес, взглянул на часы и сунул нос между прутьями решетки на витрине.

– Кажется, закрыто, – раздосадованно произнес он.

– Тебе бы в полиции работать, – съехидничал Джонатан.

Они зашли в маленькое кафе на противоположной стороне улицы, решив скоротать время за кофе с венскими булочками. Заведение оказалось симпатичным, аромат свежемолотых кофейных зерен смешивался там с запахом вынутых из печи булочек. Немногочисленные посетители опирались локтями о высокие столики, читая кто газету, кто журнал, и никто не обратил внимания на двух американцев.

У стойки из старого зернистого мрамора друзья заказали две чашки капучино и сели за столик у окна. Так Джонатан впервые увидел Клару. Она была в бежевом плаще, сидела на табурете, перелистывала «Геральд трибюн» и пила кофе со сливками. Занятая чтением, она подносила чашку к губам, морщилась, обжигая язык, но не отрывалась от статьи, ставила чашку на блюдце, чтобы перевернуть страницу. От нее исходила такая сексуальная притягательность, что даже усы от сливок над верхней губой не портили дела. Джонатан расплылся в улыбке, подошел к ней и протянул бумажную салфетку. Клара взяла ее, не поднимая головы, вытерла губы и так же машинально отдала ему назад. Джонатан убрал салфетку в карман: он не мог отвести взгляда от Клары. Она закончила чтение, не доставившее ей, судя по всему, никакого удовольствия, оттолкнула газету, покачала головой и в замешательстве уставилась на Джонатана.

– Мы знакомы?

Он протянул ей бумажную салфетку, Клара вытерла подбородок, вернула салфетку и на мгновение задумалась. Внезапно глаза ее просияли улыбкой.

– Простите, – сказала она. – Сама не знаю, зачем читаю газеты – они меня бесят и настроение бывает испорчено на весь день.

– И о чем же эта статья? – спросил Джонатан.

– Полная ерунда, – отмахнулась Клара. – Техническая заумь с претензией на оригинальность.

– И все-таки...

– Очень мило с вашей стороны проявлять интерес, но вы, скорей всего, ничего не поймете, это жутко скучно и связано с моей профессией.

– Дайте мне шанс, назовите эту планету!

Клара взглянула на часы и взяла с соседнего табурета платок.

– Живопись! Мне правда пора, я опаздываю, жду доставку.

Она пошла к двери, но на пороге обернулась:

– Еще раз спасибо за...

– Не за что... – Джонатан не дал ей договорить.

Она сделала легкий поклон и вышла из кафе. Джонатан смотрел, как она перебежала через улицу, вставила ключ в коробочку на фасаде, и железная штора на витрине галереи по адресу Альбермарл-стрит, 10, поехала вверх.

К Джонатану подошел Питер:

– Чем ты так заинтересовался?

– Думаю, мы можем идти, – ответил Джонатан, глядя, как силуэт Клары исчезает за дверью галереи.

– Думаешь, это с ней у нас встреча?

– Почти уверен.

– Если так, немедленно уберись!

– Ты о чем?

– Не держи меня за идиота, а впрочем, я привык – за двадцать-то лет.

Джонатан изобразил удивление, на что Питер ответил смешной гримасой, передразнив друга, махнул воображаемым платком и вышел из кафе. Галерея была залита солнечным светом. Джонатан прижался лбом к стеклу витрины. На стенах не было ни одной картины, комната пустовала: молодая женщина, судя по всему, находилась в задней комнате. Он нажал на звонок рядом с синей деревянной дверью. Питер стоял у него за спиной. Клара вышла к ним почти сразу. Она еще не сняла плащ и что-то искала в карманах. Узнав Джонатана, она улыбнулась и загремела задвижкой. Дверь открылась.

– Я забыла на стойке ключи?

– Нет, – сказал Джонатан, – иначе вы не смогли бы войти.

– Конечно. Значит, кошелек?

– Снова мимо.

– Ежедневник! Я егоечно теряю, потому что терпеть не могу деловые встречи.

– Успокойтесь, вы ничего не забыли.

Потерявший терпение Питер сделал шаг к Кларе и подал ей свою визитную карточку:

– Питер Гвел, я представляю дом «Кристи». Мы прилетели сегодня утром из Бостона для встречи с вами.

– Из Бостона? Неблизкий путь. Разве штаб-квартира вашей фирмы находится не в Лондоне? – спросила Клара, впуская посетителей.

Она спросила, чем может быть им полезна. Питер и Джонатан удивленно переглянулись. Джонатан последовал за ней в глубь галереи.

– Я эксперт по живописи. Мы узнали, что...

Клара перебила его с веселым смешком:

– Теперь я поняла, что вас сюда привело, но вы поторопились: сами видите, первые картины привезут после полудня.

– Первые? – удивился Джонатан.

– По соображениям безопасности картины будут доставлять по одной в день. Чтобы увидеть все, вам придется задержаться в Лондоне на неделю. У меня частная галерея, но в моем деле часто командуют страховые компании.

– Опасаетесь налета во время транспортировки?

– Налета, аварии... Подобная коллекция требует бережного обращения.

Перед витриной остановился фургон компании перевозок «Делей Мувинг». Клара помахаала вылезшему из кабины бригадиру. Питеру и Джонатану повезло поприсутствовать при доставке первой картины. Задний борт откинули, трое грузчиков вкатили огромный ящик на середину зала и с великими предосторожностями сняли защищавшие полотно доски. Когда

картину извлекли из саркофага, Клара показала, где ее повесить. Джонатан сгорал от нетерпения. Рабочие с изумительной точностью выполнили указание Клары и отошли, она тщательно осмотрела раму и холст и расписалась на накладной.

Процедура заняла два часа. Все это время Питер и Джонатан не отрываясь следили, как Клара командует парадом. Несколько раз Джонатан порывался ей помочь, но она не позволила и сама подключила сигнализацию, а потом залезла на высокий табурет, чтобы отрегулировать свет. Джонатан стоял перед картиной, пытаясь давать ей указания, коим она не следовала. Несколько раз Клара слезала вниз, смотрела, что получается, и, бормоча себе под нос ей одной понятные вещи, продолжала колдовать с лампами. Питер шепнул другу, что если раньше числил его «помешанным № 1» на русском художнике, то теперь у него появился серьезный конкурент. Джонатан ответил негодующим взглядом, и тот провел остаток утра в общении с мобильным телефоном. Он ходил вдоль витрины то внутри галереи, то снаружи, пока Клара и Джонатан обсуждали освещение. Около часа дня Клара замерла перед картиной, Джонатан стоял рядом. Лицо Клары приняло довольное выражение, она подтолкнула Джонатана локтем, и он от неожиданности вздрогнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.